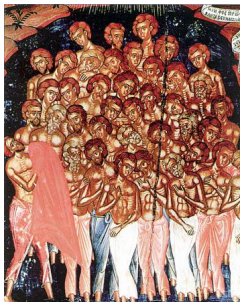

В 313 году император Константин Великий подписал закон о свободе исповедания веры. Его соправитель император Ликийский тоже подписал этот закон, но в подвластных ему областях гонения на христиан продолжались. Около 320 года в городе Севастии, в Армении, стояло римское войско. В войске находилось 40 воинов-христиан родом из Каппадокии (ныне на территории Турции). Военачальник Агрикола принуждал их принести жертву идолам, но воины отказались.

Тогда воинов арестовали и связанными повели к озеру близ города Севастии. Стояла зима, вечерело. Воинов раздетыми поставили в покрытое льдом озеро. Страшная стужа сковала члены святых мучеников, и они начали замерзать. Мучение это было для них особенно тяжелым, потому что на берегу озера для соблазна была поставлена теплая баня. Кто хотел спасти свою жизнь, должен был заявить тюремному сторожу, что он отрекся от Христа, и тогда он мог войти в теплую баню и отогреться. Всю ночь воины мужественно переносили лютый мороз, ободряя друг друга и поя священные гимны Богу.

Ранним утром один из воинов не выдержал страданий. Он вышел из озера и поспешил к бане. Но как только теплый воздух коснулся его тела, он упал мертвым. Вскоре после этого тюремный сторож Аглай увидел, как над мучениками, оставшимися в озере, заблестел неземной свет. Аглай был так потрясен этим чудом, что, объявив себя христианином, сбросил с себя одежду и присоединился к 39 мученикам. Мучители, пришедшие немного спустя, увидели, что воины-христиане не только не замерзли, но, по-видимому, даже отогрелись. Тогда мучители молотами перебили им голени и побросали в огонь, а потом обугленные кости мучеников сбросили в реку.

Через три дня мученики явились епископу Севастийскому Петру и рассказали о своем

подвиге. Еп. Петр собрал их кости и с честью похоронил. Имена мучеников сохранились: Кирион, Кандид, Домн, Исихий, Ираклий, Смарагд, Евноик, Валент, Вивиан, Клавдий, Приск, Феодул, Евтихий, Иоанн, Ксанфий, Илиан, Сисиний, Аггей, Аетий, Флавий, Акакий, Екдекий, Лисимах, Александр, Илий, Горгоний, Феофил, Домитиан, Гай, Леонтий, Афанасий, Кирилл, Сакердон, Николай, Валерий, Филиктимон, Севериан, Худион, Мелитон и Аглай. Память 40 мучеников относится к кругу наиболее чтимых праздников. В день их памяти, 9 марта, облегчается строгость Великого Поста и совершается литургия Преждеосвященных даров.

pravoslavie.ru

Святитель Василий Великий о святых Севастийских мучениках

Любителю мучеников наскучит ли когда творить память мучеников? Честь, воздаваемая доблестным из наших сослужбников, есть доказательство нашего благорасположения к общему Владыке. Ибо несомненно, что восхваляющий мужей превосходных не преминет и сам подражать им в сходных обстоятельствах. Искренно ублажай претерпевшего мучение, чтобы и тебе соделаться мучеником по произволению и без гонения, без огня, без бичей оказаться удостоенным одинаковых с ними наград. А нам предстоит подивиться не одному, и не двум только, даже не десятью ограничивается число ублажаемых, - но сорок мужей, у которых в отдельных телах была как бы одна душа, в согласии и единомыслии веры показали терпение в мучениях, одинаковую стойкость за истину. Все подобны один другому, все равны духом, равны подвигом; посему и удостоены равночестных венцов славы.

Поэтому какое слово может изобразить их по достоинству? И сорока уст не достало бы к прославлению доблести стольких мужей. Если бы и один был предметом удивления, то и сего было бы достаточно, чтобы превысить силу моего слова; тем паче такое множество, эта воинственная дружина, этот непреборимый полк, одинаково и в бранях неодолимы, и для похвал недоступны. Однако, восстановив в памяти образ их, предложу предстоящим здесь общую от них пользу, показав всем, как бы на картине, доблестные подвиги сих мужей; потому что и доблести, оказанные в бранях, нередко изображали и историописатели, и живописцы, одни украшая их словом, а другие начертывая на

картинах; а сим те и другие многих возбудили к мужеству. Что повествовательное слово передает чрез слух, то живопись показывает молча чрез подражание. Так и я предстоящим здесь напомню добродетель сих мужей и, как бы изведя пред взоры деяния их, подвигну к подражанию тех, которые мужественнее и более сродственны с ними по произволению. Вот похвальное слово мученикам - возбуждение к добродетели собравшихся; потому что слова о святых не могут рабски следовать правилам похвальных слов. Слагатели сих слов в состав похвал берут мирские поводы: а кому *мир распяся*

(Гал.6,14), к прославлению того может ли что мирское быть поводом?

У святых сих не одно было отечество, потому что каждый происходил из особого места. Что же из этого? Как назовем их? не имеющими ли отечества или гражданами вселенной? Как при взносе денег в складчину вносимое каждым делается общим достоянием всех вкладчиков, так и у сих блаженных отечество каждого есть общее отечество всех, и все, будучи из разных мест, меняются друг с другом отечествами. Лучше же сказать, какая нужда доискиваться земных их отечеств, когда о настоящем их граде можно домыслиться, каков он? Град мучеников есть град Божий, *ему же художник и содетель Бог*

(Евр.11,10),

вышний Иерусалим, свобода, мати

(Гал.4,26) Павлу и тем, которые подобны ему. Род же у них - человеческий - у каждого свой, а духовный - у всех один; потому что общий им Отец - Бог, и все они братья, не как рожденные от одного и одной, но как по сыноположению Духа сочетавшиеся друг с другом в единомыслии любви.

Это - готовый лик, великое добавление к прославляющим Господа от века; они не один по другому собрались, но вдруг преселились. И какое же это переселение? Отличаясь от всех своих сверстников телесным ростом, юностию возраста и силою, включены они были в воинские списки; и за искусство ратное, и за мужество душевное получили у царей первые почести, у всех будучи имениты за добродетель. А когда объявлено было это безбожное и нечестивое воззвание - не исповедовать Христа или подвергнуться опасностям; грозили же всеми родами мучений, и судиями неправды подвигнута на благочестивых великая и зверская ярость; составлялись против них клеветы и злоухищрения, изыскиваемы были различные роды истязаний, мучители были неумолимы, огонь готов, меч изощрялся, водружаем был в землю крест, изготовлялись ров, колеса, бичи; когда одни бежали, другие покорялись, иные были бы в нерешимости, а некоторые еще до изведения поражались ужасом от одних угроз, другие от близости ужасов приходили в кружение, иные, вступив в борьбу, не в состоянии потом были до конца выдержать труд и, на половине отказываясь от подвига, подобно застигнутым бурей на море, теряли от кораблекрушения и тот груз терпения, какой уже имели; сии непобедимые и мужественные воины Христовы, выступив на среду, градоначальнику, показывавшему царское писание и требовавшему повиновения, свободным голосом,

смело и небоязненно, нимало не утрашившись видимого, не ужаснувшись угроз, возвестили о себе, что они христиане. О, блаженные уста, произнесшие этот священный глас, которым приивший его воздух освятился, которому рукоплескали услышавшие его Ангелы, которым уязвлены были диавол и демоны, и который Господом записан на небесах! Итак, каждый, выходя на среду, говорил: "Я христианин!" И как на ристалищах вступающие в подвиг, в одно время и имена свои сказывают и становятся на место борьбы, так и каждый из них, отринув тогда нареченное ему имя при рождении, заимствовал себе имя от общего всем Спасителя. И это делали все, к предшествовавшему присоединялся и последующий, от сего у всех стало одно наименование; не говорили: я такой-то или такой-то, но все провозгласили себя христианами.

Что же делал тогдашний властитель? А он был искусен и обилен в средствах то обольщать ласками, то совращать угрозами. И их сперва хотел очаровать ласками, пытаясь ослабить в них силу благочестия. Он говорил: "Не выдавайте своей юности; не променяйте этой сладостной жизни на безвременную смерть. Привыкшим отличиться доблестию в бранях неприлично умереть смертью злодеев". Сверх сего обещал им деньги. И это давал им, и почести у царя, и одеял чинами, и хотел одолеть тысячами выдумок. Поелику же они не поддались такому искушению, обратился к другому роду ухищрений: страшал их побоями, смертями, изведением несноснейших мучений.

Так действовал он! Что же мученики? Говорят: "Для чего, богопротивник, уловляешь нас, предлагая нам эти блага, чтобы отпали мы от живого Бога и поработились погибельным демонам? Для чего столько даешь, сколько стараешься отнять? Ненавижу дар, который влечет за собою вред; не принимаю чести, которая бывает матерью бесчестия. Даешь деньги, отнимающие неувядаемую славу. Делаешь известным царю, но отчуждаешь от Царя истинного. Что так скупое и так немного предлагаешь нам из мирского? Нами презрен и целый мир. С возжеланным для нас упованием нейдет и в сравнение видимое. Видишь это небо: как прекрасно оно видом, как величественно! Видишь землю: как она пространна и какие на ней чудеса! Ничто из этого не равняется блаженству праведных. Ибо это преходит, а наши блага пребывают. Желая одного дара - венца правды; стремлюсь к одной славе - к славе в Царстве Небесном. Ревную о почести горней: боюсь мучения, но мучения в геенне. Тот огонь мне страшен, а этот, которым вы угрожаете, мне сослужебен. Он умеет уважать тех, которые презирают идолов. За *стрелы младенец* считаю *язвы* ваши (Пс.63,8), потому что поражаешь ты тело, а оно, если долго выдерживает удары, светлее венчается, а если скоро изнемогает, избавится от таких судей-притеснителей, которые, взяв в услужение себе тело, усиливаются возобладать и над душою, которые, если не будете предпочтены Богу нашему, как будто потерпев от нас крайнюю обиду, раздражаетесь и грозите этими страшными мучениями, ставя нам в вину благочестие. Но не найдете нас ни робкими, ни привязанными к жизни, ни легко приводимыми в ужас. По любви к Богу мы готовы претерпеть колесование, вытягивание, сожжение и принять всякий род истязаний".

Когда выслушал сие этот человек гордый и бесчеловечный,- не терпя дерзновения сих мужей и воскипев яростию, стал рассуждать сам с собою, какой бы найти ему способ, чтобы приготовить им смерть и продолжительную, и, вместе, горькую. Нашел, наконец, и смотрите, как жестока его выдумка! Обратив внимание на свойство страны, что она холодна, на время года, что оно зимнее, заметив ночь, в которую стужа простиралась до наибольшей степени, а притом дул еще и северный ветер, дал он приказание всех их обнажив, уморить на открытом воздухе, заморозив среди города.

Без сомнения же, знаете вы, испытавшие зимний холод, как невыносим этот род мучения; потому что невозможно и объяснить сего другим, кроме тех, которые в собственном опыте имеют готовые примеры пересказываемого. Тело, подвергшееся холоду, сперва все синеет от того, что кровь сседается; потом оно дрожит и трясется, между тем как зубы стучат, жилы сводятся, и весь состав невольно стягивается. А какая-то острая боль и невыразимое мучение, проникающие в самые мозжечки, производят в замерзающих нестерпимое ощущение. Потом члены тела отпадают, как будто сожигаемые огнем; потому что теплота, отгоняемая от оконечностей тела и сбегаящаяся во внутренность, оставляет омертвелыми те части, от которых удалилась, а те части, в которых она сбирается, предает мучительной боли, между тем как смерть от замерзания постепенно приближается.

Итак, они были осуждены пробывать ночь под открытым небом, тогда как и озеро, около которого населен город, где подвизались святые, покрывшись льдом, сделалось подобным проезжему полю и так отвердело от стужи, что по поверхности его безопасно могли ходить окрестные жители, и непрерывно текущие реки, будучи скованы льдом, оставили свои струи, и вода, мягкая по природе, изменилась до твердости камней, и резкое дыхание северного ветра приносило смерть всему живущему.

Выслушав тогда это повеление (рассуждай по этому о непобедимом мужестве мучеников), каждый с радостью сбросил с себя последний хитон, и все потекли навстречу смерти, какую грозила стужа, поощряя друг друга, как бы шли к расхищению добычи. "Не одежду скидаем с себя,- говорили они,- но отлагаем *ветхаго человека, тлеющаго в похотех прелестных* (Еф.4,22). Благодарим Тебя, Господи, что с этою одеждою свергаем с себя грех; чрез змия мы облеклись, чрез Христа совлечемся. Не будем держаться одежд ради рая, который потеряли.

Что
воздадим
Господеви

(Пс.115,3)? И с Господа нашего совлечены были одежды. Тяжко ли для раба потерпеть, что терпел и Владыка? Лучше сказать, и с Самого Господа мы совлекли одежды. Это была дерзость воинов; они совлекли и разделили по себе Его одежды. Поэтому загладим собою на нас написанное обвинение. Жестока зима, но сладок рай; мучительно - замерзнуть, но приятно упокоение. Недолго потерпим, и нас согреет патриархово лоно. За одну ночь выменяем себе целый век. Пусть горит нога, только бы непрестанно ликовать с Ангелами! Пусть отпадает рука, только бы иметь дерзновение воздевать ее Владыке! Сколько наших товарищей-воинов пало в строю, сохраняя верность царю тленному? Ужели мы не пожертвуем своею жизнью из верности Царю истинному? Сколько человек, уличенных в преступлении, подверглись смерти злодеев? Ужели мы не вынесем смерти за правду? Не уклонимся, товарищи, не дадим места диаволу. Есть у нас плоть, не пощадим ее. Поелику непременно должно умереть, то умрем, чтобы жить.

Да будет жертва наша пред Тобою

, Господи (Дан.3,40). Как жертва живая, благоугодная Тебе, да будем приняты мы, всесожигаемые сим хладом, - мы, приношение прекрасное, всесожжение новое, возносимое не огнем, но хладом".

Такие утешения предлагая друг другу и один другого поощряя, как будто в военное время стоя на страже, проводили они ночь, мужественно перенося настоящее, радуясь ожидаемому, посмеиваясь противнику. У всех же была одна молитва. "Сорок человек вступило нас на поприще, сорок человек да увенчаемся, Владыко! Ни одним да не уменьшится это число. Оно честно: Ты Сам, чрез Кого закон вошел в мир, почтил его сорокадневным постом. Сорок дней в посте искавший Господа Илия сподобился видения!" И хотя такова была их молитва, однако ж один из сего числа, изнемогши от страданий, оставив место подвига, удалился, возбуждив в святых несказанное сожаление. Но Господь не попустил, чтобы прошения их остались напрасными.

Тот, кому вверено было охранение мучеников, греясь неподалеку от одного училища борьбы, наблюдал, что будет, готовый принять тех из воинов, которые прибегнут к нему. И кроме того, наперед было рассчитано, чтобы была вблизи баня, обещавшая скорую помощь переменявшим мысли. Но что с злым намерением придумано врагами, именно: найти для подвига такое место, где готовность облегчения могла бы ослабить твердость подвижников, это самое в большем свете показало терпение мучеников. Ибо не тот терпелив, у кого нет необходимого, но тот, кто, не имея недостатка в наслаждении, продолжает терпеть бедствие.

Когда же мученики подвизались, а страж наблюдал, что произойдет,- видит он необычайное зрелище, видит, что какие-то Силы сходят с небес, и как бы раздают воинам великие дары от Царя. И всем разделили они дары; одного только оставили не награжденным, признав его недостойным небесных почестей; и это был тот, который,

вскоре отказавшись от страданий, перешел к противникам. Жалкое зрелище для праведных! Воин - беглец, первый из храбрых - пленник, овца Христова - добыча зверей. Но еще более было жалко, что он и вечной жизни не достиг, и не наслаждался настоящею; потому что плоть у него тотчас распалась от действия на нее теплоты. Но как этот животолубец пал, без всякой для себя пользы преступив закон, так исполнитель казни, едва увидел, что он уклонился и пошел к бане, сам стал на место беглеца и, сбросив с себя одежды, присоединился к обнаженным, взывая в один голос со святыми: "Я христианин!" И внезапною перемены изумив предстоящих, как число собою восполнил, так своим присоединением облегчил скорбь об ослабевшем, поступив по примеру стоящих в строю, которые, как скоро падет кто в первом ряду, тотчас замещают его собою, чтобы убылым не разрывался у них ряд. Подобно этому поступил и сей. Видел он небесные чудеса, познал истину, притек к Владыке, стал сопричислен к мученикам! Иуда пошел прочь, а на место его введен Матфий. Подражателем стал Павловым вчерашний гонитель, а ныне благовествующий. И он имел звание свыше *ни от человек, ни человеком*

(Гал.1,1). Уверовал во имя Господа нашего Иисуса Христа, крещен в Него не другим кем, но собственно верую, не в воде, но в крови своей.

И таким образом, при начале дня еще дышащие мученики преданы огню, а остатки от огня брошены в реку, чтобы подвиг блаженных объял собою всю тварь. Ратоборствовали они на земле, показали терпение в воздухе, преданы огню, восприяла их вода. Им прилично сказать: *проидохом сквозе огонь и воду, и извел еси ны в покой* (Пс.65,12). И они-то, заняв нашу страну, подобно какому-то непрерывному ряду столпов, доставляют безопасность от нашествия противников, не в одном месте заключившись, но имея пристанище во многих местах и украсив собою многие отчизны. И, что необычайно, не по одному разделившись, посещают они приемлющих, но не разлучаясь друг с другом, соединенным приходят ликом.

И какое чудо! И не уменьшаются числом, и не допускают приумножения. Если разделишь их на каждого, не выступают из свойственного им числа. И если соберешь воедино, и в таком случае остаются те же сорок, уподобляясь природе огня; потому что и огонь, как переходит ко вновь возжигающему его, так всецело остается у того, кто имел его у себя. И сии сорок и все вместе, и все у каждого. Это - неоскудевающая благотворительность, неистощимая благодать, готовая для христиан помощь, церковь мучеников, воинство победоносцев, лик славословящих. Сколько употребил ты труда найти и одного молитвенника за себя ко Господу! - И вот сорок молитвенников, воссылающих согласную молитву. *Идеже еста два или трие собрани во имя Господне, ту есть посреде их* (Мф.18,20); а где сорок, там усумнится ли кто в присутствии Божиим? К сорока мученикам прибегает утесненный, к ним притекает веселящийся; один, чтобы найти избавление от трудных обстоятельств, другой, чтобы охранялось его благополучие. Здесь встретишь благочестивую жену, молящуюся о чадах, испрашивающую отлучившемуся мужу возвращения, а болящему - здравия.

Прошения ваши да будут приличны мученикам. Юноши да подражают им, как сверстникам; отцы да молятся о том, чтобы быть родителями подобных детей; матери да изучают повествуемое о доброй матери. Ибо мать одного из сих блаженных, увидев, что другие скончались уже от хлада, а сын ее, по крепости сил и терпеливости в мучениях, еще дышит, когда исполнители казни оставили его в надежде, что переменится, сама, взяв собственными своими руками, положила его на колесницу, на которой везли прочих к костру. Вот в подлинном смысле мать мученика! Она не пролила слезы малодушия, не произнесла ничего низкого и недостойного по времени; но говорит: "Иди, сын, в добрый путь с сверстниками и с товарищами; не отставай от сего лика; не позже других явись ко Владыке". Вот подлинно доброго корня добрая отрасль! Доблестная мать показала, что питала его более догматами благочестия, нежели млеком. Так был он воспитан, так предпослан благочестивою матерью! А диавол остался посрамленным, потому что, восставив на мучеников всю тварь, увидел, что все препобеждено доблестию их: и ветреная ночь, и холод страны, и время года, и обнажение тел.

Святой лик! Священная дружина! Непоколебимый полк! Общие хранители человеческого рода! Добрые сообщники в заботах, споспешники в молитве, самые сильные ходатаи, светила вселенной, цвет Церквей (как думаю, и духовный, и чувственный)! Вас не земля сокрыла, но прияло небо; вам отверзлись врата рая. Зрелище достойное ангельского воинства, достойное патриархов, пророков, праведников; мужи в самом цвете юности презревшие жизнь, паче родителей, паче детей возлюбившие Господа! Находясь в возрасте, наиболее полном жизни, вменили они ни во что временную жизнь, чтобы прославить Бога в членах своих, став *позором миру и Ангелом и человеком* (1Кор.4,9), восставили падших, утвердили колеблющихся, усугубили ревность в благочестивых. Все, воздвигнув один победный памятник за благочестие, украсились одним венцом правды, о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

[Миссионерский центр имени иерея Даниила Сысоева](#)